

Джанни Родари Джип в телевизоре

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155662

Джанни Родари «Римские фантазии»: Правда; Москва; 1987

Аннотация

Сказка «Джип в телевизоре» и сейчас звучит современно. Она призывает к сотрудничеству всех ученых мира для мирного освоения космоса.

Содержание

Вот так раз!	4
Случай людоедства	16
Поиски преступника	22
Говорят ли жители Сатурна по-латыни?	29
Один мальчик стоит трех искусственных спутников	35
«Гарибальди», «Галилео Галилей» и «Джип»	43
«Кошкина мама»	49

Джанни Родари

Джип в телевизоре

Вот так раз!

В Милане, на улице Сеттембрини, 175, в квартире номер 14, жил мальчик Джампьеро Бинда. Было ему восемь лет, и родители звали его просто Джип. И вот 17 января по нашему стилю в 18 часов 30 минут Джип включил телевизор. Как всегда, он сбросил ботинки и удобно устроился в большом кресле, обитом зеленой искусственной кожей, чтобы посмотреть телефильм из серии «Приключения Белого Пера».

Справа от Джипа в другом кресле сидел его младший брат, пятилетний Филиппо Бинда, или попросту Флип. Он тоже сбросил ботинки, чтобы устроиться поудобнее, и они так и остались валяться посреди комнаты.

Братьев отличала не только разница в возрасте, но и футбольные симпатии: Джип болел за национальную сборную, а Флип – за миланскую команду, но это не имеет к нашему рассказу никакого отношения. А рассказ начался ровно в 18 часов 30 минут, когда Джип вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила выхватила его из мягких объятий

кресла. Мгновение он повисел в воздухе, словно стартующая в космос ракета, затем пронесся через всю комнату и пулей влетел прямо в телевизор.

И тотчас же ему пришлось спрятаться за скалу, чтобы спастись от индейских стрел, которые со свистом неслись со всех сторон. Заняв эту необычную позицию, Джип с удивлением посмотрел в комнату, на пустое кресло, на свои ботинки и на Флипа, сидевшего перед телевизором.

– Вот так раз! – удивился Флип. – Как это тебе удалось? Даже стекло не разбил!

– Сам не знаю!

– Но ты ведь сидишь прямо в телевизоре! Внутри! Так же, как Белое Перо! Как ты туда попал?

– Не знаю, Флип...

– Прямо чудеса... Но ты все же подвинься немного, а то мне не видно.

– Не могу! Тут столько стрел...

– Да ты просто трус! Мне же из-за тебя ничего не видно!

«Хорошие» индейцы между тем не обращали никакого внимания на Джипа и отбивали нападение «плохих». Племя под предводительством Белого Пера одерживало победу над своими врагами точно так же, как это происходило каждую пятницу. События чередовались с молниеносной быстротой, и вскоре наш Джип оказался под копытами какой-то лошади.

– Ой! – испугался Флип.

Но никакой опасности не было, потому что лошади были

дрессированные.

– Раз уж ты там, – успокоившись, сказал Флип, – спроси у Белого Пера, почему уже две недели не видно Гремящего Облака.

– Но он не поймет меня, он же не говорит по-итальянски!

– А ты скажи ему сначала «у-у!».

– У-у! – сказал Джип. Но Белому Перу было не до него. Как раз в этот момент он отвязывал от столба девушку с длинными черными косами.

– У-у! У-у! – снова нерешительно протянул Джип.

– Да ты погромче! – подбадривал Флип. – Боишься, что ли? Ну, понятно, ты болеешь за национальную сборную...

– А ты, «миланист», помалкивай, пока не попало!

– Ах вот как! Тогда я возьму и выключу телевизор! И тебе конец!

Сказав это, Флип соскочил на пол и кинулся к телевизору, собираясь выключить его.

– Сто-о-ой! – заорал Джип.

– Нет, выключу!

– Мама! Мама, помоги!

– Что случилось? – откликнулась из кухни синьора Бинда; она гладила там белье.

– Флип хочет выключить телевизор!

– Флип, не будь злым мальчиком! – довольно спокойно сказала мама.

– А зачем он забрался в телевизор!

– Джип, перестань шалить! – сказала мама, продолжая гладить белье. – И не трогай телевизор, а то сломаешь еще.

– Какое там трогать! – ехидно уточнил Флип. – Он же просто влез в него! Весь целиком! Одни ботинки здесь остались...

– Сколько раз я вам говорила, что нельзя ходить босиком, – ответила синьора Бинда.

– А Флип тоже босиком! – тотчас же вставил Джип.

Тут синьора Бинда решила, что пришла пора вмешаться. Вздохнув, она оставила утюг и вошла в комнату.

– Джип!

– Мама!

– Что это тебе взбрело в голову, сын мой?

– Я тут ни при чем, честное слово! – захныкал Джип. – Я сидел себе тихонько в кресле... Смотри... – И он показал на кресло, как бы призывая его в свидетели.

– Что-то скажет папа?! – вздохнула синьора Бинда и медленно опустилась в кресло.

В этот момент в комнату вошла тетушка Эмма. Она была у соседей – играла там в лото.

– Что тут происходит? Что я вижу! – воскликнула она, укоризненно взглянув на синьору Бинду, которая приходилась ей младшей сестрой. – Как ты позволяешь детям такие опасные игры?!

Тетушке Эмме объяснили, что произошло, но она не поверила ни одному слову.

– Нет, нет! Можете сколько угодно толковать мне о всяких там «таинственных» силах, но я-то понимаю, что этот ребенок просто решил спрятаться в телевизоре, чтобы ему не досталось от отца. Разве не сегодня вечером он должен был показать ему табель с двойкой по арифметике? А теперь вот попробуйте его поймать и насыпать ему соли на хвост! Но это ему так не пройдет! Я сейчас же позвоню мастеру!...

Выслушав красноречивые призывы тетушки Эммы, мастер поклялся, что придет через десять минут.

В телевизоре между тем краснокожие любезно уступили экран милостивой синьорине, которая стала показывать, как приготовить салат без оливкового масла.

– Сто раз показывала! – рассердился Флип и решил заняться рисованием. Он разложил на столе лист бумаги, краски, поставил блюдечко с водой и взял кисточки – свои и Джипа.

– Мама, он взял мои кисточки! – немедленно пожаловался Джип, выглядывая из салатницы, где оказался в этот момент.

– Флип, оставь кисти Джипа!

Флип пропустил эти слова мимо ушей и преспокойно стал растирать великолепную голубую краску кисточкой Джипа.

Джип кричал с экрана, возмущался, негодовал, но не в силах был дотянуться до младшего брата, чтобы наградить его подзатыльником. Бессилие лишь удваивало его гнев.

Кричал Джип. Кричал Флип. Кричали тетушка Эмма и мама, пытаясь водворить мир и тишину.

В самый разгар этого концерта в комнату вошел бухгалтер Джордано Бинда, вернувшийся из банка, где он работал. Пришел отец, глава семьи, если можно так выразиться...

– Неплохая встреча! – заметил он.

– О, не волнуйся! – поспешила успокоить его синьора Бинда. – Сейчас придет мастер.

– Ну, если и он тоже станет кричать, тогда уже наверняка примчатся пожарные. А зачем он придет, если не секрет? Снова испортилась стиральная машина?

– Нет, он придет из-за Джипа.

– Из-за Джипа? Держу пари, что он снова испортил мою электрическую бритву, как на прошлой неделе! Кстати, а где он?

– Я здесь, папа, – вздохнул Джип тихо-тихо.

Бухгалтер Бинда обернулся к телевизору, откуда доносился голос сына, и замер от изумления, словно статуя, изображающая бухгалтера.

– Теперь уж ничего не поделаешь! – заговорила тетушка Эмма. – Теперь остается только простить его! В следующей четверти у нашего Джипа табель будет лучше и по арифметике будет лучшая отметка во всем Милане!

– Табель?... Арифметика?... – пробормотал бухгалтер Бинда, ничего не понимая.

– Сейчас я дам тебе табель, ты подпишешь его, а Джип, умница, выйдет из телевизора, и мы сядем обедать.

Тетушка Эмма решительно направилась к ящику стола, где лежал табель, который должен был подписать отец.

– Постой, постой! – воскликнул синьор Бинда. – Дело тут, наверное, не в плохих отметках. Речь идет, должно быть, о страшной болезни! Как раз вчера какой-то Родари писал в газете о таком заболевании. Это случилось с одним адвокатом,

с одним очень известным адвокатом, которого знает весь город. Он так любил смотреть передачи, что совершенно забросил все на свете – семью, дела, здоровье. Для него в жизни существовало только одно – телевизор. Он сидел перед ним целыми днями и смотрел все передачи подряд: комедии, кинофильмы, конференции, хронику, рекламу, занятия школы неграмотных и передачу про этрусские вазы – словом, все что угодно, совсем как Джип и Флип. Телевизор был включен у него даже ночью, когда передач не было, и он все ждал, не появится ли вдруг на экране хотя бы диктор. Словом, это была болезнь.

– Ну и что же?

– Кончилось тем, что он точно так же попал в телевизор и просидел там целых три дня. Представляете, каково ему было принимать клиентов, в одной рубашке, без пиджака и даже без галстука – в брюках с подтяжками!

– И как же он оттуда выбрался?

Уважаемый бухгалтер Джордано Бинда открыл было рот, чтобы ответить, но тут ему, видимо, пришла в голову какая-то мысль. Он бросился в переднюю, выскочил на площадку и принялся стучать в дверь квартиры напротив, где жил адвокат Проспери (это был, разумеется, другой адвокат, не тот, что был болен телевизором: в Италии ведь адвокатов целые полчища).

– Добрый вечер! Чем могу служить, синьор Бинда? Проходите, пожалуйста!

– Послушайте, одолжите мне на десять минут ваш телевизор!

– Как раз сейчас? Сию минуту? Но сейчас начнутся «Новости», и я не хотел бы пропустить их. Сделаем проще – приходите сюда и давайте вместе смотреть передачу, раз у вас телевизор испортился.

Бухгалтер Бинда объяснил ему в двух словах, в чем дело, и добавил:

– В газете писали, как вылечить от этой болезни! Нужно поставить второй телевизор напротив того, в котором сидит больной. Его внимание сразу же привлечет экран напротив, и он выскочит из одного телевизора, чтобы попасть в другой. Тут-то и надо уловить момент и, пока он летит, выключить сразу оба телевизора. И тогда игра окончена. Притягательная сила телевизора исчезнет, и больной возвратится на землю. Конечно, нужно заранее расстелить на полу ковер, чтобы он не ушибся. Адвокат, о котором писали в газете, был спасен именно таким образом, но, упав на пол, он набил три шишки на голове. Их, правда, можно вылечить без особых осложнений недели за три.

Адвокат Проспери терпеливо выслушал рассказ соседа и захотел сам взглянуть на Джипа, который, увидев его, смущенно приветствовал его с экрана телевизора. Адвокат Проспери сказал, что охотно поможет вызволить Джипа, но только после «Новостей».

– Понимаете, это единственная передача, которая меня

интересует сегодня вечером! – объяснил он.

К сожалению, после «Новостей» телевизор тоже не удалось выключить, – взбунтовались дети адвоката Проспери: они во что бы то ни стало хотели смотреть рекламную «Карусель». И никакими силами нельзя было уговорить их отказаться от этого зрелища.

Бедному Джипу в его новом положении пришлось испытать на себе и эту передачу. Сначала ему удалось спастись от зубной пасты, которая выдавливалась на него из огромного тюбика, но, правда, лишь для того, чтобы оказаться в мыльной пене. Затем его окутало густое облако талька, засыпав нос. Он раскашлялся, и на глазах выступили слезы. Потом какой-то необыкновенный лак оставил несмываемые следы на его свитере, при этом тетушка Эмма пришла в ужас, а Флип коварно захихикал. Наконец, новая модель шариковой ручки нарисовала ему под носом пышные усы. А когда Джип захотел улучшить момент и поймать рекламируемый плавленый сырок, поскольку аппетит уже давал о себе знать, то не успел он и глазом моргнуть, как во рту у него вместо сыра оказалась какая-то противная мазь от ревматизма.

Когда рекламная «Карусель» окончилась, адвокат Проспери, как обещал, перенес свой телевизор в квартиру соседа, но продолжал при этом ворчать:

– Как раз сейчас начнется матч по боксу. Передает Евровидение! Неужели непонятно, что это единственная передача, которая действительно может заинтересовать меня сего-

дня?...

Телевизор поставили напротив того, в котором сидел Джип, вытиравший платком следы своего неудачного сражения с рекламой. Тетушка Эмма расстелила на полу между телевизорами несколько ковриков, чтобы Джип не слишком ушибся, когда будет падать. И опыт начался.

– Внимание! – сказал бухгалтер Бинда. – Как только я дам сигнал, выключите оба телевизора! Помните – оба сразу! – Потом он повернулся к своему «телевизионному» сыну и добавил: – Джип, смотри теперь внимательно на телевизор сеньора Проспери!

Джип послушался. И почти в то же мгновение он снова почувствовал, как им завладела какая-то неведомая сила. Спустя мгновение он завибрировал, словно ракета перед стартом, затем пулей вылетел из экрана и со сверхзвуковой скоростью пересек комнату.

К сожалению, пораженный этим зрелищем, бухгалтер Бинда забыл дать сигнал. Джип влетел в телевизор адвоката Проспери и... исчез!

– Джип! Джип! Где ты? Ты слышишь нас? Джип!

На экранах обоих телевизоров боксеры – английский и итальянский – продолжали наносить друг другу удар за ударом, а Джип словно в воду канул.

– Давайте посмотрим по другой программе!

Но Джипа не было и там, ни на одном, ни на другом телевизоре.

– Что же теперь делать?

В этот момент в квартиру позвонили. Пришел улыбающийся, словно майская роза, мастер.

– Вызывали? Что случилось?

Впрочем, всем известно, что мастера никогда не приходят вовремя.

Случай людоедства

Профессор Лундквист, директор клиники «Лундквист» в Стокгольме, осматривал больного с помощью нового, недавно изобретенного аппарата. Больного звали Скогланд. Это был лесоторговец. Он подозревал, что у него язва желудка. Новый аппарат состоял в основном из тонкой трубочки, которую надо было вводить в пищевод больного. Но это еще, можно считать, не самое страшное, потому что вообще врачи имеют обыкновение запускать в желудок больного все что угодно, не говоря уже о касторке. Надо вам сказать также, что на конце трубки была крохотная телевизионная камера величиной чуть побольше булавочной головки. По трубке от камеры шли провода к телевизору.

– Готово? – спросил профессор Лундквист своего ассистента и двух медсестер.

– Да, – коротко ответили все трое, по-шведски, разумеется.

Лесоторговец Скогланд тоже сказал «да», но он преспокойно мог бы и помолчать, потому что мнение больного, лежащего на операционном столе, равным счетом ничего не значит.

– Итак, начнем! – сказал профессор. Он велел лесоторговцу проглотить трубку с крохотной телевизионной камерой, нажал на какие-то кнопки, сдержал непроизвольное чи-

хание, не входящее в программу, и вот уже на экране телевизора появилось увеличенное изображение желудка господина Скогланда.

– Ох! – воскликнули сестры (по-шведски, разумеется. Впрочем, они могли бы сказать «Ох!» и по-итальянски или по-японски, – ведь «Ох!» почти на всех языках звучит одинаково!).

– А вы, господин Скогланд, лежите спокойно! – сказал профессор. – Подумайте пока о цене на березу и тополь. Помните, что предстоит платить налоги... Исследование вашего желудка с помощью телевизионной камеры продлится не более десяти минут. Сейчас мы находимся в вашей, я бы сказал, пищеварительной лаборатории. Альма, прибавьте яркость. Освещение в желудке господина Скогланда оставляет желать лучшего. Вот так хорошо. Ну-с, посмотрим.

Четыре пары глаз, устремленные на экран, вдруг одновременно взмахнули ресницами.

– О господи! – воскликнул помощник профессора, медсестры тихонько ахнули, а сам профессор гневно закричал:

– Но это же людоедство!

На экране телевизора совершенно отчетливо было видно, что в самой середине желудка лесоторговца Скогланда сидит Джампьеро Бинда, или попросту Джип, и от нечего делать ковыряет в носу. Заметив, что за ним наблюдают, он привстал и, как полагается всякому воспитанному мальчику, поклонился.

– Господин Скогланд! – продолжал профессор. – Вы скрыли от меня истинную причину вашей болезни! Вы и в самом деле думаете, что можно спокойно съесть ребенка и это останется без последствий?! Вот вам налицо доказательство вашего преступления! Стыдитесь! Никакой язвы желудка у вас нет и в помине! Вы просто самый обыкновенный людоед!

Лесоторговец Скогланд с телевизионной камерой в желудке был, конечно, не в состоянии что-либо ответить. К тому же он не видел экрана и не понимал этого грозного обвинения.

– Людоедство! – продолжал возмущаться профессор. – В середине двадцатого века! В то время как колониальные народы завоевывают независимость и свободу, некоторые лесоторговцы занимаются людоедством!...

– Профессор, – робко проговорила одна медсестра, – мальчик, кажется... Смотрите! Он делает нам какие-то знаки! Может быть, он еще жив?!

– Бедненький, он без ботинок! – заметила вторая медсестра.

– Хорошо хоть в носках! – сказал помощник профессора и строго посмотрел на господина Скогланда.

Профессор попросил всех замолчать и внимательно рассмотрел Джипа с головы до ног, точнее – до носков.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он у него.

– Квик прик квак марамак! – услышал он в ответ.

– Станный какой-то язык! – заметил профессор.

(Тут надо вам пояснить, что на самом деле Джип сказал: «Ничего не понимаю!» – но профессор не знал ни слова по-итальянски и поэтому услышал только какие-то смешные звуки. И наоборот, если мы станем на место Джипа, который ни слова не понимает по-шведски, то, как и профессор, тоже ничего не поймем. Когда профессор разговаривал со своими помощниками, Джип слышал только: «Квик прик квак ма-рамак пеперикок!» – и тоже думал: «Странный язык!»)

К счастью, одна из медсестер немного понимала по-итальянски – она провела как-то отпуск в Риччоне, – так что смогла что-то перевести.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил профессор.

– Спасибо, хорошо! – ответил Джип.

– Он очень больно тебе сделал?

– Кто?

– Как кто? Господин Скогланд!

– По правде говоря, я не знаю такого.

– Тогда что же ты делаешь в его животе? В твоём возрасте я не лазил по желудкам незнакомых людей, а тем более иностранцев.

– Синьор профессор, клянусь вам, я тут ни при чем!

– Ты ни при чем, господин Скогланд ни при чем, все ни при чем! А кто же виноват? Я, может быть? Король Швеции? Конная стража?

– Видите ли, я...

– Хватит! Сиди тихо и не двигайся! Посмотрим, как тебе

помочь.

Профессор, все еще продолжая ворчать, осторожно вынул телевизионную трубку из желудка лесоторговца Скогланда, и тот наконец спросил:

– Это очень серьезно?

– Исключительно!

– И наверное, мне придется отправиться в больницу?

– Мне думается, однако, что вам придется отправиться не в больницу, а в тюрьму! Нельзя же в самом деле проглотить восьмилетнего мальчика как есть, со всей одеждой, и являться после этого к хирургу, чтобы он вынул его, словно занозу из пальца. Может, вы теперь собираетесь спокойно вернуться домой и как ни в чем не бывало продавать дрова оптом и в розницу?!

– Простите, профессор, о каком мальчике вы говорите?

– Вот об этом, – строго сказал профессор и ткнул пациента пальцем в грудь.

– Но я здесь! – воскликнул в это время Джип. – Я все время здесь!

Профессор, его помощник, медсестры и господин Скогланд повернулись к телевизору и опять увидели Джипа, колыхавшегося в светлом прямоугольнике экрана.

– Так ты не в желудке господина Скогланда?! – воскликнул профессор. – Выходит, ты просто самая обыкновенная помеха!

– Никакая я не помеха! – обиделся Джип. – Меня зовут

Джампьеро Бинда, я живу в Милане, и я попал в телевизор, когда...

– Но это мой телевизор! – закричал профессор. – И здесь у нас Стокгольм! Ты не имеешь права мешать моей работе! Это безобразие! Это, может быть, даже шпионаж!...

Кто знает, какие еще обвинения обрушил бы он на взломаченную голову Джипа, но в этот момент почему-то выключили ток, и телевизор погас. Когда снова зажегся свет, экран был чист, словно снежное поле, на нем не было ни тени Джипа, ни малейшего пятнышка, ни даже полоски – ни вертикальной, ни горизонтальной.

Господин Скогланд так и не смог понять, почему профессор Лундквист обозвал его людоедом, и ушел качая головой. А профессор был так разгневан, что даже забыл взять с него плату за визит.

Поиски преступника

В подземелье одного старинного немецкого замка, на берегу Рейна, сидели два весьма почтенных господина и играли в шахматы. Время от времени они поглядывали на экран телевизора, на котором был виден гардероб – вешалки и висящие на них пальто.

Изображение на экране не менялось и походило на заставку, какие бывают в перерывах между передачами. Правда, в перерывах показывают обычно какой-нибудь красивенький пейзаж с овечками, фонтанами или архитектурными памятниками, а тут вдруг обыкновенный гардероб. С каких пор это вошло в моду на телевидении – непонятно.

Но тут-то, вероятно, вам следует объяснить, что:

1. В старом замке находится древняя библиотека – многовековая гордость города Бармштадта.

2. Шахматисты – это профессор Сильвиус Леопольд Линкенбейн, директор библиотеки, и старший инспектор полиции Георг Вильгельм Фридрих Рехтенбейн. Сами понимаете, это люди, которые не страдают телевизионной болезнью.

3. На экране телевизора виден гардероб библиотеки.

4. В гардеробе за рамой висящей на стене картины укрыта маленькая телекамера. Она-то и снимает все, что происходит в помещении, и передает изображение в подземелье, где сидят профессор и инспектор полиции.

5. Хитроумная система наблюдения была установлена здесь, чтобы узнать...

Минутку! Дело в том, что на экране телевизора стало видно, как слева в гардероб вошел какой-то молодой человек. Он снял пальто, повесил его рядом с другими и затем вышел.

– Опять не то! – сказал профессор.

– Не то опять! – согласился инспектор полиции, изменив порядок слов в предложении. Но от перемены мест слагаемых сумма, как известно, не меняется.

И господа снова стали играть в шахматы. А если бы снова взглянули на экран, то увидели бы, как из-за груды старых книг выглянула мышка. Но никто не удостоил ее вниманием. И мышка, обиженная, удалилась. Прошло еще немного времени, и в гардеробе появились две милостивые девушки. Они остановились у вешалки, сняли свои шубки – шубки так себе, не норковые, конечно, – и ушли. Ни одно их движение не ускользнуло от взгляда профессора и инспектора полиции. Когда девушки исчезли с телеэкрана, профессор сказал:

– Очень милые особы.

– Весьма, – согласился инспектор полиции, – но к нашему делу они не имеют никакого отношения.

– К нашему – безусловно! – заключил профессор и не очень уверенно передвинул пешку.

И вдруг на экране телевизора появился Джип. Двое наблюдателей тотчас же оставили игру.

– Ого! – воскликнул профессор. – Смотрите, мальчишка!

– Мальчишка! Босой! – согласился инспектор полиции. – Интересно, зачем он снял ботинки? Как вы полагаете, профессор?

– Пожалуй, это весьма серьезная улика, – согласился тот. – Может быть, мы поймаем наконец воришку, который вот уже две недели чистит карманы посетителей нашей библиотеки.

– Добрый вечер! – сказал в это время Джип.

Профессор и инспектор полиции удивленно переглянулись.

– Я с удовольствием отмечаю, что вы знаете итальянский язык! – сказал профессор инспектору полиции.

– Весьма признателен за комплимент, но должен заметить, что я не произнес сейчас ни звука!

– Но и я тоже рта не открывал!

– Простите за беспокойство, – вмешался с экрана Джип, – не объясните ли вы мне, где я сейчас нахожусь? Меня зовут Джампьеро Бинда, я живу в Милане, на улице Сеттембрини, сто семьдесят пять, квартира четырнадцать...

Два почтенных игрока в шахматы вскочили как по команде и подошли к телевизору.

– Ни с места! – крикнул инспектор полиции Джипу. Он позвонил в колокольчик, и на экране тотчас же появились двое полицейских в мундирах. Они прятались в соседней комнате и теперь выскочили оттуда, чтобы схватить вора и надеть на него наручники. Но, оглядевшись по сторонам, пошарив среди пальто, они остановились в полном недоуме-

нии, потому что в гардеробе никого не было!

– Ослы! – закричал инспектор полиции, топая ногами. – Дважды ослы! Шестнадцать ушей у вас на голове! Да вот же, прямо перед вами стоит! Поверните свои глупые носы: вор рядом с вами и даже не прячется. Ведь это ты лазаешь по карманам? – крикнул он, обращаясь к Джипу.

– Нет, вы ошибаетесь! – кротко ответил Джип.

– Молчать! Мы поймали тебя на месте преступления! Только воры снимают ботинки, чтобы бесшумно пробраться куда-нибудь.

– Но я-то их снял только для того, чтобы не испачкать кресло и чтобы удобнее было сидеть. И потом я здесь вовсе не по своей воле, а в плену...

– Прекрасно! Значит, сам признаешь, что ты у нас в плену! Это уже неплохо!

Между тем полицейские так никого и не обнаружили и, не слыша упреков своего начальника, удалились, недовольно бормоча разные выражения, которые здесь воспроизводить не стоит.

Инспектор полиции продолжал:

– Скажи нам сейчас же, кто научил тебя воровать и в какой канаве ты прячешь награбленное?! И будь спокоен, твои родители заплатят за специальную телевизионную установку, которую мы вынуждены были поставить здесь, чтобы поймать тебя с поличным.

При упоминании о родителях Джип расплакался.

– Плачет! – торжественно воскликнул инспектор полиции. – Значит, признается!

Но профессор был другого мнения:

– Минутку, уважаемый инспектор. Вором может быть только кто-то из посетителей библиотеки, не так ли? А я уверен, что никогда раньше не видел здесь этого мальчика. Кроме того, я сам отец семейства, у меня есть сын и даже внук, так что в детях я немножко разбираюсь. Мне не совсем ясно, почему этот мальчик ходит без ботинок, но по лицу его я бы никогда не сказал, что у него есть склонность к воровству. – И он обратился к Джипу: – Скажи мне, где ты сейчас находишься?

– Вот это как раз я и хотел бы знать больше всего на свете! По-моему, я нахожусь в телевизоре...

– А разве не в гардеробе? Разве ты не видишь пальто, что висят на вешалке?

– Вижу. Но это телевизионные пальто, если можно так выразиться. Как это объяснить?... Ну, это только картинка, а не настоящие пальто. Я ведь на экране, понимаете?

– Вот видите, – заключил профессор, – мальчик совершенно невиновен, он чист, как вода в источнике. Просто в телевизоре, наверное, что-нибудь не в порядке и к нам подключилась какая-нибудь станция.

Профессор хотел добавить еще что-то, но вдруг замолчал: на экране появился солидный господин. Он надел свое пальто и шляпу, а затем быстро огляделся... и запустил руку в

карман чужого пальто. Затем он ловко обшарил все другие пальто и переложил в свои карманы все, что ему приглянулось.

На этот раз инспектор полиции не стал терять времени даром. Он позвонил в колокольчик, полицейские выскочили из своего укрытия и схватили вора. Тот попытался вырваться и убежать, но не тут-то было.

Наконец на экране снова остались только пальто, равнодушные ко всему происходящему, и Джип. Профессор и инспектор полиции в смущении почесывали затылки, глядя на Джипа.

– Так ты из Милана... – заговорил наконец профессор. – Красивый город... Собор... Пантеон... «Вечеря» Леонардо да Винчи... Знаю, знаю... Бывал там!

– Но вы не знаете моего отца! – воскликнул Джип. – Он ведь может поверить тетушке Эмме. А она считает, что я убежал из дома, потому что боялся показать отцу табель. Двойка у меня по арифметике, вот что!

– По арифметике? Это ужасно! В двадцатом веке, когда даже машины умеют считать, и вдруг двойка по арифметике! А в чем дело, почему она не дается тебе? Это же увлекательный предмет! Деление, наверное, трудно?

– Нет, – ответил Джип, – не деление, а таблица мер и весов. Я все время путаю гектолитр с гектометром. И никак не могу запомнить, чем измерять вино, которое купил хозяин гостиницы, и чем измерять дорогу от Бари до Барлетты.

– О, это ужасно, просто ужасно! – воскликнул профессор по-итальянски и добавил по-немецки; – Шреклих! – что означает то же самое.

А инспектор полиции заметил, что это вовсе не ужасно и даже вполне простительно. Но ему тоже жаль, что у Джипа трудности с таблицей мер и весов. И добавил еще, что, по его мнению, несправедливо заставлять детей считать за какого-то хозяина гостиницы, да еще в его отсутствие.

Кончилось тем, что профессор и инспектор полиции, забыв отпраздновать поимку преступника, принялись объяснять Джипу таблицу мер и весов, но при этом заспорили, достали записную книжку, стали писать сложные формулы, выхватывая друг у друга ручку. А когда начали, наконец, переводить дециметры в декаметры, то совсем уже позабыли про Джипа. Наконец спор окончился мирным согласием. И тут, вспомнив о Джипе, они взглянули на экран и застыли от изумления, словно гипсовые статуи (вес которых измеряется центнерами!): Джип исчез, словно его и вовсе не было.

Говорят ли жители Сатурна по-латыни?

На протяжении следующих суток появление Джипа неоднократно отмечалось на экранах телевизоров в самых различных городах мира. Он появлялся то в одной передаче, то в другой, перескакивал с первой программы на четвертую и все не мог успокоиться, совсем как бильярдный шар, который мечется по столу, не попадая в нужную лузу.

В тот день рано утром из Марселя вышел в открытое море корвет «Мерендина». На его борту находилась большая группа итальянских и французских телеоператоров, водолазов и опытных ныряльщиков. Когда корабль остановился в нужном месте, все они спустились на морское дно, захватив с собой специальные телекамеры, чтобы начать необыкновенную телевизионную передачу с борта древнего судна, которое затонуло здесь еще во времена римского императора Траяна с грузом вина и масла и было найдено недавно одним любителем подводного плавания.

На палубе «Мерендины» техники итальянского и французского телевизионных центров следили за тем, что происходит на телеэкранах. Они со смехом показывали друг другу то на улепетывающую толстую селедку, то на рыбу-молот, ко-

торая остановилась посмотреть в телеобъектив и, казалось, вот-вот помашет ручкой и скажет: «Чао, чао!» («Привет!»), как это делают даже самые серьезные комментаторы, когда знают, что их снимает телекамера.

Но вот на экране появилось изображение затонувшего корабля. Почти две тысячи лет волны нежно ласкали его, хранили на дне моря, скрывая от любопытных потомков Траяна. И вот теперь его покой нарушают толстые, медлительные в своих лунных скафандрах водолазы. Они проникают сквозь пробоину внутрь корабля. В таинственном полумраке виднеются длинные ряды старинных амфор, которым, должно быть, совершенно безразлично, где стоять – в винном погребе древнеримского императора или на дне морском... И вдруг на экране возникает лицо Джипа. Изображение слегка колыхнется и дрожит, и на борту «Мерендины» все тотчас же взволнованно восклицают:

– Смотрите, утопленник!

– Да нет, это ребенок!

– Конечно, ребенок! Утопленники не смотрят на мир так весело!

– А может, это сын русалки?

– Нет! Тогда у него был бы рыбий хвост и не было носков...

Но так же внезапно, как появился, Джип вдруг исчез. А водолазы, поднявшись на борт «Мерендины», клялись, что не видели под водой ни мальчика, ни утопленника, ни сына

русалки, что были на дне только самые обычные рыбы и облепленные раковинами старинные амфоры.

Все это происходило в семь утра. А в восемь часов на Суэцком канале в Египте уже было оживленное движение: самые разные корабли и пароходы шли по узкому каналу, который соединяет, если верить географическим картам, Средиземное море с Красным. И, двигаясь этим путем, все корабли выполняли приказы, которые передавались им из диспетчерской рубки, находившейся у входа в канал. Из этой рубки можно было одним взглядом окинуть весь канал – во всю его длину и ширину. Это позволяли сделать многочисленные телевизионные камеры, что стояли в разных местах на берегу.

Все было в порядке, все шло как обычно, но спустя некоторое время дежурному лоцману Ахмеду показалось, что на одном из экранов он заметил какое-то странное изображение. Похоже, это был тот самый смешной и хитрый мальчишка, которого минуту назад он видел на борту греческого корабля «Онассис». Но как же он мог оказаться теперь на голландском нефтеналивном танкере «Спиноза»?... Да нет! Вот он уже на большом плоту, груженном быками.

«Невероятно! – решил Ахмед, протирая глаза. – Не может же он прыгать с корабля на корабль, словно пират. Это запрещено!»

Изображение Джипа еще некоторое время продержалось

на экране, колеблясь среди парусов одной необычайно красивой яхты, принадлежащей какому-то арабскому султану, и затем исчезло. Ахмед позвонил в бар и заказал себе крепкого кофе. «Этой ночью я плохо спал, должно быть, поэтому и вижу сны наяву», – решил египетский лоцман.

Примерно в это же время в Югославии сидел в своем деревянном домике лесничий. Он грелся у огня, мирно покурил трубку и время от времени поглядывал на экран телевизора. Ему полагалось бдительно следить, не вспыхнет ли где-нибудь лесной пожар, чтобы тотчас же поднять тревогу. Но вообще-то зимой редко случаются пожары в лесах, так что служба его была совсем легкой. Тем более что все происходящее в лесу ему было видно по телевизору.

Покуривая трубку, лесничий, должно быть, слегка задремал, потому что когда он наконец сообразил, что вот уже целых две минуты не он рассматривает лесные просеки, а за ним самим наблюдает какой-то мальчишка, то даже вынул изо рта трубку – так велико было его изумление. Бедняга никогда не верил в сказки, но тут почувствовал, что ему стало просто не по себе. Но в то же мгновение Джип исчез. Даже не попрощавшись с ним.

В тот день Джип побывал еще во многих местах: в огне раскаленной доменной печи, в глубочайшей шахте, в коридорах какой-то тюрьмы, в стальном сейфе известного банка.

Перескакивая из обычных программ в специальные и наоборот, он помешал комедии, которая передавалась по советскому телевидению, а потом – концерту, который транслировали по датскому телевидению, затем он появился в канадском телевизионном ревью, откуда переключался в Америку, где потанцевал на столе, за которым пять солидных экспертов делились с телезрителями своими соображениями относительно нового закона о налогах. И наконец, попав в Китай, он попрыгал на ковре вместе с акробатами...

Так прошел день. А ночью, когда астрономы в обсерватории Джодрэл Бенк в Англии направили свои радиотелескопы на Сатурн и включили телевизоры, ожидая увидеть увеличенное и хорошо высвеченное изображение загадочной планеты, они с изумлением обнаружили, что по огромным кольцам Сатурна прогуливается какое-то очень похожее на человека существо. Сами понимаете, это был не кто иной, как Джип. Но астрономы-то этого не знали и потому решили, что обнаружили в космосе первое неземное существо, которого еще никто никогда не видел с Земли. Но тут Джип произнес:

– Сальве! (Это значит – «Привет!»)

– Неплохо для начала! – воскликнул доктор Морган. – Этот сатурнянин говорит по-латыни. – И он готов был уже произнести в ответ красивую фразу из Цицерона, как вдруг Джип исчез. Доктор Морган вздохнул: – Опять, должно быть, проделки доктора Пойнтера!

Чтобы не остаться в долгу, он снял телефонную трубку и

сообщил доктору Пойнтеру, что тот приглашен вечером на ужин к адмиралу Нельсону и что необходимо надеть фрак и подкрутить усы.

Один мальчик стоит трех искусственных спутников

А в доме синьора Бинды через четверть часа после исчезновения Джипа одновременно явились представитель телевизионной компании и инспектор полиции. Им было поручено произвести расследование необычного происшествия. Они нашли синьору Бинда в слезах, Флипа уснувшим в кресле, тетушку Эмму с ворохом ковриков в руках, а синьора Бинду яростно спорящим с адвокатом Проспери, который хотел унести домой свой телевизор.

– Неужели вы не понимаете, – объяснял ему бухгалтер, – что Джип может вернуться с минуты на минуту?! И мы не знаем, на какой из двух экранов!

– Если он появится на моем, я вас сразу же предупрежу! – заверял адвокат. – Но это маловероятно. Ваш Джип не объявлен в сегодняшней программе передач. Вы ведь смотрели программу? После футбольного матча клуб домохозяек будет обсуждать, каким образом лучше всего класть в суп петрушку. И это единственная передача, которая меня интересует сегодня вечером. Я даже собираюсь записать кое-что, наверное, будут какие-нибудь дельные советы...

– Но вы можете сделать это и здесь, у нас! Садитесь, пожалуйста, сюда! Это очень удобное кресло!

– Э нет, синьор бухгалтер! Мое кресло гораздо удобнее! Оно из черной кожи! И кроме того, у меня есть еще скамеечка для ног. И потом – не знаю, как вы, – а я в конце концов собираюсь лечь спать...

– И выключить телевизор?

– Разумеется.

– Но сегодня этого нельзя делать! Телевизор должен быть включен, чтобы Джип мог вернуться домой!

– Вы хотите оставить его включенным на всю ночь?!

– Если понадобится, то и на всю ночь. Мы будем дежурить у экранов по очереди.

– Позвольте, но для кинескопа это верная погибель... Нет, нет! Я не позволю портить мой телевизор!

Тут в спор вмешался инспектор полиции. Он заметил, что прав, безусловно, синьор Бинда, и адвокату Проспери пришлось отдать своим войскам приказ об отступлении. Однако, прежде чем уйти, он довольно энергично выразил устный протест.

Представитель телевизионной компании и инспектор полиции начали наконец расследование. Но... тут же и окончили! Потому что ни тот, ни другой просто не знали, с чего начать. Оба считали, что случай этот необычный, невероятный и просто необъяснимый.

– Но ведь уже была недавно подобная история, – настаивал синьор Бинда, – я сам читал об этом в статье какого-то Родари. Он пишет, что это болезнь. А врачи даже название

для нее придумали. Если не ошибаюсь – ТЕЛЕВИЗИОНИТ.

– Выдумки, дорогой синьор Бинда! Все это выдумки газетчиков! Сами знаете, чего только не придумают эти журналисты, лишь бы поинтереснее получилось!

– Что верно, то верно! – согласился инспектор полиции и рассказал о том, как один журналист подробнейшим образом описал похищение знаменитой падающей Пизанской башни.

– Понимаете, он выдумал, будто башню украли! Разобрали на кусочки и унесли! И даже расписал какую-то шайку воров, которая специализировалась на грабеже исторических памятников. Вся Италия разволновалась. Но нетрудно было доказать, что сообщение это ложное. Стоило показать зрителям открытку с видом башни, как все поверили, что она стоит на месте. Но некоторые все же продолжали судачить об этом и, конечно, ругали на чем свет стоит полицию.

Пока инспектор полиции жаловался на трудности, тетушка Эмма разложила коврики по местам. Оглядевшись, она решила принять командование на себя: синьоре Бинде велела немедленно отнести Флипа в постель, бухгалтера Бинду заставила положить на живот горячую грелку, чтобы быстрее прошел испуг, а гостей уговорила отведать ликер собственного изготовления. Затем взяла карандаш и бумагу и составила расписание дежурств у телевизора.

Окончился футбольный матч, домохозяйки перестали спорить о том, как лучше всего класть в суп петрушку, и

красивая девушка-диктор пожелала всем спокойной ночи, но Джип так и не появился на экране.

Когда же утром почтальон принес газеты, в них оказались огромные, во всю страницу, необычайные заголовки:

«ВЕРНЕТ ЛИ ЭКРАН СВОЮ ДОБЫЧУ?»

**«ТЕЛЕВИЗОР ПОГЛОТИЛ
ВОСЬМИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА»**

**«ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ПЕРВОЙ ПРОГРАММЫ!»**

«ДЖИП, ВЕРНИСЬ НА СВОЮ АНТЕННУ!»

**«БАНДА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ
ВОРОВ ТЕРРОРИЗИРУЕТ ГОРОД!»**

Статьи были еще более тревожными, чем заголовки. И в каждой из них все, что случилось, рассказывалось по-разному. В одних статьях Джип описывался как «светловолосый ангелочек», в других – как «шалун, который играл на звонках своих соседей». Какая-то газета намекала, что кое-что интересное мог бы рассказать адвокат Проспери: ведь телевизор, в котором исчез Джип, принадлежал ему... Если же верить другой газете, то исчезновение мальчика в телевизоре – это чистейшая выдумка полиции. А на самом деле Джипа будто бы похитили пришельцы из космоса, скорее всего, марсиане, которые особенно опасны, потому что они – невидимки.

– Марсиане! Невидимки! – возмутилась тетушка Эмма и швырнула газету в мусорный ящик. – Чтобы все эти журналисты сами стали невидимками!

Вечерние газеты тоже поместили много разных невероятных сообщений о Джипе. Но всем было ясно, что правды в них нет ни на грош. Ведь не нашлось и двух газет, которые бы написали одно и то же! Одна газета утверждала, будто Джипа видели в Швеции, другая, что он появлялся в Голландии, а третья описывала его приключения на Суэцком канале.

– Я покажу им Суэцкий канал, этим негодяям! – негодовала синьора Эмма. – Придумают же такое!

Прошла еще одна ночь дежурства у телевизора. Но Джип так и не появился. Утром почтальон принес свежие газеты, но синьора Эмма отказалась взять почту.

– Хватит с меня этой продукции! – закричала она. – В этом доме не будет больше ни клочка газетной бумаги! Даже той, из которой продавец фруктов делает кульки для земляники. – И она хотела захлопнуть дверь.

– Подождите, подождите! – закричал почтальон. – Тут интересные новости.

– Знать ничего не желаю! Уходите!

– Но вы только посмотрите, что пишут газеты! Вашего Джипа разыскивают с помощью этих самых... Ну как они называются?...

– Откуда мне знать как! – снова возмутилась тетушка Эмма.

– О, дорогая синьора, это такое трудное слово! Ну эти, как их... Вроде бенгальских огней, но только не они... да вы возьмите газету! Здесь все написано! Говорят, есть надежда...

Тетушка Эмма осторожно, словно газеты вот-вот вспыхнут пламенем, взяла их в руки и понесла бухгалтеру Бинде, который заканчивал свое дежурство у телевизора, прежде чем отправиться на службу.

Флип тотчас же ухватил одну газету, чтобы найти в ней знакомые буквы.

– А! Здесь есть буква «А»! – обрадовался Флип.

Ну а дальше произошло следующее.

Один молодой японский ученый профессор Яманака, размышляя над необычным явлением, пришел к невероятному

выводу, что Джип, попав в телевизор, превратился в электромагнитную волну и путешествует теперь в пространстве со скоростью света. За одну секунду волна делает семь оборотов вокруг Земли – куда больше, чем космические корабли Гагарина, Титова, Глена и Карпендера.

Время от времени волну «Джип» улавливали какие-нибудь телестанции или даже отдельные телевизоры в самых разных уголках земного шара.

– А почему же, уважаемый профессор Яманака, волна «Джип» прежде всего попала на экран телевизора в клинике профессора Лундквиста? – спросил ученого один журналист.

– Возможно, потому, – ответил он, – что в этот вечер его телевизор был единственным включенным во всей Европе. Ведь в это время окончились уже все передачи. (Замечу, что это вполне вероятно: профессор Лундквист любил работать по ночам). Очень уважаемая волна «Джип», – продолжал профессор Яманака, – смогла познакомиться с многочисленными случаями использования телевидения и узнать то, что нередко не знает самая широкая публика.

– Можно ли перехватить волну «Джип» и вернуть мальчика на Землю? – поинтересовался другой журналист.

– Да, господа, это возможно! Нужно только, чтобы все телевизионные станции на Земле передавали по всем своим каналам и программам одну и ту же передачу. В таком случае волна «Джип» не сможет никуда перескакать и ее нетруд-

но будет снова превратить в мальчика.

– Одна программа передач для всех телевизоров на земном шаре?

– Да, уважаемые господа, и еще раз да! А для этого нужно, как известно, запустить три искусственных спутника Земли.

– ЧТО? ТРИ ИСКУССТВЕННЫХ СПУТНИКА РАДИ КАКОГО-ТО МАЛЬЧИШКИ?!

– Да, господа, да, очень уважаемые дамы и господа: три искусственных спутника! Разве, по-вашему, жизнь мальчика не дороже трех искусственных спутников и даже трехсот спутников или трехсот тысяч миллионов космических ракет?

«Гарибальди», «Галилео Галилей» и «Джип»

Ровно без пяти секунд час по римскому времени на космодроме в Сардинии готовились к запуску первого итальянского спутника Земли. «Гарибальди» должны были запустить совсем для другого эксперимента, но правительство не колеблясь предоставило его для операции «Джип», как назвали всю эту историю журналисты. И вот теперь на командном пункте космодрома профессор Ночера держал руку на пусковой кнопке, а голос из репродуктора считал «наоборот»:

– Чинкуе (по-итальянски это значит «пять»)… кватро… тре… дуэ…

В это время в Москве часы показывали без пяти секунд три часа. На космодроме поблизости от столицы готов был к запуску очередной спутник. Правительство Советского Союза, предназначив его для операции «Джип», дало ему имя «Галилео Галилей». И вот теперь на командном пункте космодрома профессор Максим Петров тоже держал руку на пусковой кнопке, а голос из репродуктора отсчитывал по-русски:

– Пять… четыре… три… два…

В Америке, на мысе Кеннеди, было всего шесть часов

утра. Здесь на пусковую кнопку готов был нажать профессор Браун. Искусственный спутник, предоставленный американским правительством для спасения мальчика, был назван в его честь «Джип». Голос из репродуктора говорил по-английски, но смысл слов был тот же:

– Файв... фоо... фри... ту... Пуск!

И в тот же момент одновременно стартовали в космос три космических корабля. Они вывели на точно рассчитанную учеными орбиту три искусственных спутника – «Гарибальди», «Галилео Галилей» и «Джип».

По меньшей мере миллиард человек сидел у телевизоров и слушал взволнованные голоса дикторов, которые на всех языках мира рассказывали о том, как идет операция «Джип». Между прочим, многие, чтобы узнать, как проходит операция, даже проснулись среди ночи. Потому что – вы и сами понимаете – когда в одном полушарии день, в другом – ночь.

– Внимание! Внимание! Продолжаем сеанс космовидения! Все телевизионные станции земного шара связаны сейчас единой программой. Через несколько секунд ретрансляционные установки трех искусственных спутников передадут на Землю изображение самого знаменитого комического актера нашего времени Чарли Чаплина. В одно и то же мгновение оно появится на телевизионных экранах в Риме, Токио, Нью-Йорке, Москве... Появится во всех странах, на

всех континентах!

И действительно, не прошло и минуты, как все жители Земли – все те, у кого был телевизор и кто, разумеется, не спал, – увидели на экранах знакомые усики Чарли Чаплина.

Но почти тотчас же изображение исчезло, и на экране возник Джип в своем уже изрядно помятом свитере, в коротких штанишках, в одних носках...

– У него дырка на пятке! – закричала тетушка Эмма, заглушая все «ура!», которые раздались в доме синьора Бинда, где набились жители всех соседних квартир.

– Ура! Ур-ра! – орал Флип.

Адвокат Проспери, напротив, изо всех сил старался обратить общее внимание на другое:

– В моем телевизоре Джип виден лучше!

– Внимание! Внимание! – произнес диктор. – Профессор Ночера попробует сейчас поговорить с Джампьеро Бинда.

Голос ученого звучал глухо и взволнованно:

– Джип, мы тебя видим! Если ты слышишь нас, отвечай нам! ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ДЖИПА! ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ДЖИПА!... Перехожу на прием...

На мгновение все замерли в ожидании, и затем из космоса донесся звонкий мальчишеский голосок:

– Я слышу вас отлично! Слышу, но не вижу. Тут тоже есть телевизор, но я вижу в нем только себя. Перехожу на прием...

– Разве ты сам не в телевизоре?

– Нет! Спасибо, с меня хватит! Слава богу, что я из него выбрался!

– Но где же ты теперь?

– Не знаю... Минуту назад я был, кажется, в Марокко, а может быть, в Финляндии. А сейчас... Сейчас в какой-то маленькой кабине. Я вижу здесь телевизор и себя на его экране... Еще тут множество всяких приборов и... тут еще кошка! Она летит по воздуху, будто ее подвесили на воздушном шарике. Ой, я тоже, кажется, лечу, совсем как тогда, когда попал в телевизор... Но теперь меня туда и калачами не заманишь!... Похоже, я научился летать по воздуху и ходить по потолку...

– Джип! – сказал профессор Номера. – Справа от тебя иллюминатор. Посмотри в него внимательно. Что ты видишь?

– Если не ошибаюсь, там Земля. Надо же, как она быстро вертится! Прямо подо мной острова в море, но, к сожалению, на них не написаны названия, как на глобусе, а я не знаю, что это за острова. Иди сюда, киска, иди посмотри. Кстати, а как тебя зовут?

– Котенка зовут Миучино. И оба вы находитесь в искусственном спутнике «Гарибальди-1», Джип.

– Значит, я теперь космический путешественник?

– Ты, Джип, первый итальянский космонавт!

– Ну первый – это все-таки котенок! Он уже был здесь, когда я появился тут. А как попал сюда я?

– Это сделали электромагнитные волны. Ты оказался в те-

левизоре, установленном на искусственном спутнике Земли, и выскочил из него в кабину спутника, наверное, благодаря космическим лучам.

– Электромагнитные волны... Космические лучи... Кто знает, что это такое? Надо, видно, и это изучать, не только таблицу мер и весов. Между прочим, а я мог бы послать привет маме? Слышит ли она меня, видит ли?

– Тебя видит вся Земля, Джип!

– Ну, вся – это уж слишком! Здравствуй, мама! Чао, папа! Привет, Флип, чао, тетушка Эмма! Как поживаете, синьор Проспери?

– Вот разбойник! – удивился адвокат Проспери, краснея от удовольствия и гордо оглядываясь по сторонам, очень взволнованный. – Как он догадался, что я тоже тут?!

– Я хочу домой! – крикнул Джип. – Мне надоело летать по телевизорам! И если меня ждет наказание, то я немедленно назначаю своим адвокатом синьора Проспери. Ведь я вовсе не собирался удирать!

– Вот почему он вспомнил о вас! – усмехнулась тетушка Эмма.

– Внимание, Джип! – снова заговорил профессор Ночера. – Скоро спутник пойдет на снижение и войдет в атмосферу Земли. Спуск произойдет по команде с Земли. Не бойся, все будет хорошо! А пока приветствуй всех, кто сейчас сидит у телевизоров и тревожится за тебя. У тебя необыкновенные зрители – русские, американцы, итальянцы, англича-

не, немцы, французы, китайцы, африканцы... Скажи-ка что-нибудь...

Джип почесал затылок, скорчил гримасу и произнес:

– Добрый день и добрый вечер! Я не вижу вас, но я всех люблю. Вы все очень славные. Киска, попрощайся ты тоже. Перехожу на прием. Чао!

Но еще несколько минут, прежде чем была прервана связь с искусственным спутником, люди самые-самые разные – белые, черные и желтые, счастливые и несчастные – продолжали с улыбкой смотреть на изображение мальчика, игравшего с котенком там, на космических дорогах...

Тысячи журналистов принялись отстукивать на машинках свои статьи в газеты.

«Улыбающееся лицо Джипа, – писали девяносто пять журналистов из ста, – это пожелание мира и счастья нашей старой планете!»

А те пять журналистов, которые оставались от ста, начинали с той же фразы, только вместо слова «улыбающееся» они написали «веселое».

«Кошкина мама»

19 января в 3 часа 30 минут мало осталось таких римлян, которые не сидели бы у телевизоров или радиоприемников у себя дома или в кафе. Все ждали известий о Джипе, о его приземлении. Понятно, что на улице было очень мало прохожих. И уж совсем немногие оказались в тот момент у древнего Колизея – кто спешил по своим делам, а кто по чужим. И среди этих немногих была старушка с хозяйственной сумкой в руках. В сумке она несла разные кулечки с потрохами, корочками сыра, рыбьими головами, кусками хлеба и кусочками мяса.

Во всей округе старушку эту звали не иначе, как «кошкина мама». Это потому, что она заботилась о бездомных кошках, нашедших приют в развалинах старого Колизея. Кошки очень мило проводили здесь время, с удовольствием нежились на солнышке и поглядывали иногда на туристов. Об охоте на мышей кошки даже не помышляли. Ни к чему! Ведь всегда найдется кто-нибудь, кто угостит чем-нибудь вкусеньким. Вот и сейчас «кошкина мама» спешила к ним со своими деликатесами.

Вдруг на тротуар надвинулась черная тень тучи.

«Не дождь ли собирается?» – встревожилась старушка. Она взглянула на небо. Боже правый, да это же парашют! Неужели началась война?!

Огромный оранжевый зонт опускался с голубого неба. К парашюту была подвешена и качалась на ветру какая-то странная капсула.

«Нет, это, слава богу, не война! – подумала старушка. – Иначе был бы не один парашют, а много-много – целая тысяча!»

Парашют между тем опускался прямо на Колизей.

«Пойду посмотрю, – решила „кошкина мама“, – котятка подождут несколько минут».

Она пересекла площадь и, ускорив шаги, насколько позволяли ей старые башмаки, вошла в одну из арок Колизея и поднялась на парапет, который окружает арену. И в

этот момент парашют приземлился. Как раз на то место, откуда древнеримские императоры смотрели представления, прежде чем войти в учебники истории.

Капсула открылась, и из нее выскочил Джип.

– Откуда ты взялся? – спросила его «кошкина мама».

– Добрый день, синьора! – вежливо ответил Джип, радостно побежав ей навстречу.

– А почему ты бродишь по свету в одних носках? – с упреком спросила старушка.

– Неужели это Колизей?! – воскликнул Джип, не отвечая на вопрос.

– Конечно. Осторожно, не провались в подземелье.

– Подумаешь! Там ведь теперь не держат львов!

– Послушай, с каких это пор дети стали летать на парашютах?

– Синьора, у вас есть дома телевизор?

– Нет, сынок, нету. А что?

Джип ужасно огорчился. Надо же! Прилететь из космоса и опуститься, так сказать, прямо на голову какой-то старушонки, которая понятия не имеет о его приключениях, – это просто ужасно!

– Извините, уважаемая синьора, но я должен сообщить о своем прибытии, а то меня еще долго будут искать.

И Джип бросился к выходу из Колизея.

Но «кошкина мама» уже не обращала на него внимания.

– Кис-кис-кис! – ласково звала она. – Иди сюда, кисанька,

иди!

Это она увидела Миучино, который выбрался из капсулы, куда ученые посадили его перед стартом, чтобы изучать его поведение в космосе. Миучино смущенно осматривался по сторонам.

– Да это же Колизей, дурачок, знаменитый римский Колизей! Сразу видно, что ты нездешний! Но у меня и для тебя найдется гостинец, иди-ка сюда.

Миучино хоть и был нездешним котенком, но нюх имел отличный – сумка старушки сразу же заинтересовала его.

А Джип, выскочив на улицу, так и застыл на месте. Он жутко испугался. Толпы людей неслись к Колизею, где, как только что стало известно, должен приземлиться космонавт. Люди бежали сюда со всех концов Рима, спешили на велосипедах и автомобилях, на всех видах транспорта, и так запрудили все улицы, что к Колизею не могли пробиться даже машины теле- и кинооператоров, не говоря уже о фотографах и журналистах, представителях правительства, дипломатического корпуса и городских властей. Над Римом стоял оглушительный звон колоколов, рев сирен и гудков, и даже слышались оружейные залпы.

«Да они раздавят меня! – подумал Джип. – От меня не останется и мокрого места! Спасайся кто может!» Он повернулся и помчался назад, перепрыгнув на ходу Миучино, перед которым «кошкина мама» раскладывала свои гастрономические сокровища. Добравшись до капсулы, он забрался

в нее и заперся.

– Осторожнее! Осторожнее! – закричала старушка первым любопытным, которые подбежали к ней. – Дайте же котенку поесть!

К счастью, один фотограф узнал космического котенка и тем самым спас ему жизнь и обед. А Джип в своей капсуле не подавал и признаков жизни.

– У него закрыты глаза!...

– Он потерял сознание!...

– Он умер!...

– Джип, выйди оттуда! Тебя ждет вся Италия!

– Э, нет! Сначала вы уgomонитесь! – ответил Джип. – А потом и поговорим. И самое главное – никаких телекамер! Не хватает только, чтобы я снова, не успев приземлиться, отправился путешествовать. И снова без ботинок.

Самые нетерпеливые люди взломали дверцу капсулы, силой вытащили оттуда Джипа, и самый высокий человек посадил его к себе на плечи под громкие аплодисменты.

– Дорогу! Дорогу! Его надо отвезти в больницу! Вызовите «скорую помощь»!

На площади около Колизея стояло уже, наверное, штук двести санитарных машин, и своими сиренами они могли бы привести в чувство целую дюжину потерявших сознание космонавтов. Но только не Джипа. Он приоткрыл один глаз только тогда, когда почувствовал, что машина «скорой помощи» совсем рядом. Убедившись, что поблизости нет ни-

каких телекамер, способных проглотить его, открыл другой глаз и громко рассмеялся. Медсестры, министры, адмиралы, парикмахеры, фотографы – десятки самых различных людей, которым удалось протиснуться к машине, – засмеялись вместе с ним.

– Я хочу домой! – наконец сказал Джип.

И вскоре поезд помчал его в родной Милан.

А Колизей снова опустел. Там осталась только «кошкина мама». Миучино, похоже, не огорчился оттого, что пресса и власти не уделили ему должного внимания. Он так вкусно и сытно пообедал, что не мог шевельнуть даже кончиком хвоста.

И «кошкина мама» на руках понесла кота-путешественника к себе домой.